

Людмила Воробьева

**«И РАЗГОВОР ВЕСТИ
ЭЗОПОВСКИЙ...»**

**О книге Зои Бобковой
«Вчера и завтра
встретились сегодня...»**

(СПб, ИД «Петрополис», 2021 г.)

*А сердцем, как и раньше, властвует
Какая-то шальная сила,
И заывает вновь испробовать
Чуждачества любви беспечной
И разговор вести эзоповский
О недосказанности вечной.*

Зоя Бобкова, «Весна»

Искусство недосказанности — это одно из значимых качеств творчества. В своей книге рассказов Зоя Бобкова довольно часто использует открытый финал. Самобытно и редкостно уже само название, побуждающее к чтению, — «Вчера и завтра встретились сегодня...». Причём все произведения разноплановы, разножанровы, многослойны. Не стоит забывать, что любую книгу лишь наполовину создаёт автор — вторую половина создаётся читателем, его восприятием. Но и критику в данном случае инте-

ресно быть читателем, испытывая ощущение непрерывного проживания авторских текстов, выстраиваемых в единую сюжетную линию и создающих некое горизонтальное восприятие перспективы, свободы творческой фантазии. Повествования Зои Бобковой проникнуты глубоким нравственно-философским смыслом, они выявляют скрытые грани жизни и человека в ней, поражая обострённой новизной видения, правдивой прямоотой суждений. Вероятно, она умеет видеть то, что не видят другие. Ей удаётся прикоснуться к тайне сочетания несочетаемого — вещей абсолютно диаметральных, контрастных. Недаром петербургский критик Геннадий Муриков подчеркнёт феномен её писательской непредсказуемости — момент совмещения двух противоположных полюсов как единства раздвоенности мира.

Зоя Бобкова — автор более 20-ти книг поэзии и прозы, из числа которых я бы особо выделила этот недавно вышедший сборник рассказов. Ей присуща диалогическая манера мышления, являющаяся интересное разнообразие и обилие самых простых ситуаций и самых простых людей. Целая мозаика человеческой жизни — настоящей и в то же время противоречивой — открывается на страницах её произведений, написанных ироничным эзоповым языком, подчас напоминающим искромётный искандеровский язык советской эпохи. Зоя Бобкова и идёт от прошлого к современности. Я бы определила жанр её книги как «человеческое краеведение»: «...литература есть записанная жизнь, и литератор есть в своём роде секретарь своего времени; он записчик, а не выдумщик, и где он перестаёт быть записчиком, а делается выдумщиком, там исчезает между ним и обществом всякая связь»¹.

«У времени мы в беспощадной власти»

Время и человек. Поэтические строки автора, вынесенные мною в заглавие, точно определяют эти вечные философские категории. Казалось бы, в рассказах Зои Бобковой ничего особенного не происходит, но от этого её сюжеты только более реалистичны. Уже в первом рассказе Зои Бобковой «Баба Маня» мы встречаемся с прошлым и сегодняшним днём, с его конкретными представителями. «Когда в стране возникло движение “Бессмертный

¹ Н.С. Лесков, «Биржевые ведомости», 1869 г.

полк», оно сразу же стало всероссийским», — так описывает автор участие в парадной демонстрации своей героини Марьи Ивановны, которая искренне любила подобные массовые мероприятия, когда ощущалась общая сплочённость, великое единство огромной страны.

Удивляют и персонажи Зои Бобковой, которых в книге много — очень много. Например, рассказ «Мичурин в юбке». Автор пытается «соединить то время и нынешнее», вспоминает их дружбу, радостный период молодости, когда подруга была жива, полна сил и энергии. «Но ничего не получалось, меня придавливало чувство *исчерпаемости* этого мира (...) будто умер не только человек, но и время». Исключительно гоголевская интрига развивается в рассказе «Вчера и завтра встретились сегодня». У автора своя философия относительности во времени. Нужно ли искать дорогу к прошлому? Минувшее: что-то отдельное от нас или проживаемое нами до сих пор? Горькие и унижительные ситуации перестроечного выживания автор описывает весьма натуралистично и убедительно. Она подводит нас к очевидному выводу: исчерпывающе не время, а явление. Увидеть невидимое дано единицам. У Зои Бобковой — полное представление о предмете описания. Жизненный взгляд на литературу и литературный взгляд на жизнь — правда жизни и правда литературы — встречаются здесь, чтобы идти рядом, как наше вчера и наше завтра.

Автор проводит связующие параллели, находя абсолютно неожиданные смыслы. В книге звучит полифония вселенских голосов и полифония вечной музыки. Столь ярко проявившийся чеховский момент в творчестве Зои Бобковой закономерен и оправдан: она награждена медалью А.П. Чехова, а также специальным Дипломом Берлинского литературного института им. А.П. Чехова «За художественное мастерство и глубину исследования человеческих взаимоотношений» за роман «Полёт сквозь бездну» (2014 г.).

Пожалуй, необходимо хотя бы упомянуть, немного коснувшись целого цикла произведений, посвящённых братьям нашим меньшим. Это и чисто психологический этюд о кошачьей судьбе, перекликающейся с человеческой, и пронзительное повествование «Восемь лет с Тарри». Чего только стоит одна Каркуша в одноимённом рассказе З. Бобковой! Потрясающий монолог вороны задевает все струны души: в нём отражаются и люди, и звери, и наше смутное, непонятное время: «Вот и дожила я до счастливых дней, у меня появилось Имя». На мой взгляд, у писателя

получился просто блистательный естественный портрет на редкость умной птицы!

Самую, может быть, любопытную страницу в книге составляет мистический лейтмотив, который столь же реален, как сменяющие друг друга день и ночь в рассказе с загадочным и неоднозначным названием «Троица». Библейский подтекст прочитывается в конце этого воистину трагического повествования: «Всё это произошло в Троицу — Божий праздник, когда Бог нам является в трёх Лицах: Отца и Сына и Святого Духа. Трое космонавтов ушли из жизни тоже в Троицу. Случайны ли такие совпадения: подлинное событие троих утонувших и смерть троих космонавтов? Или в этом есть высший смысл?», — задаёмся вместе с автором и мы мучительным вопросом, испытывая смертельный «бездонный ужас» глубины реки и такой же скрытой глубины бытия, глубины человеческой души, окутанной извечной тайной.

Необходимо отдать должное писателю: Зоя Бобкова итожит каждый прожитый день, особенно сейчас, в период повсеместных ковид-ограничений, период слишком зыбкий и ненадёжный. «Я с какой-то особенной жадностью вглядывалась в окружающий мир. Никогда не замечала, что прошлогодние ягоды шиповника так и остаются на ветке и потом отваливаются, а свежие веточки растут из нового места. Наверняка, скоро зелёное и голубое будет царить на свете», — автор обладает особой способностью радоваться жизни и ценить её великое благо.

«Поговорим о странностях любви...»

Её героини-женщины умеют по-русски любить и жалеть. Все их драмы — внутри, многие из них немногословны. У автора прослеживается своя маргинальность, свой почерк и, что не исключено, свой автобиографический момент женской прозы. Язык повествования, ориентированный на живую разговорную речь, придаёт тексту неповторимое очарование творческой свободы. В каждой человеческой судьбе есть собственная, личная история любви. Философичность в сочетании с отзывчивой душой лирического героя в рассказах Зои Бобковой творят чудеса: от них невозможно оторваться! Критик Евгения Щеглова отметит её полную индивидуальную раскрепощённость, непосредственность, способность к самоанализу. Книга «Вчера и завтра встретились сегодня...» излучает тепло, добро, юмор и человечность. Казалось бы, абсолютно бытовая ситуация может у автора перерасти в широкое полотно человеческой судьбы в незабываемом повествовании «Иго

любви». Оказывается, и сыновняя любовь не имеет границ и пределов. Но и материнская может не отпускать даже после смерти, превращая жизнь сына в этакий террор любовью.

«Нет другой стороны у меня...»

Весьма примечательно, что в своей книге «Вчера и завтра встретились сегодня...» Зоя Бобкова использует разные прозаические жанры: публицистику, очерк, даже философско-автобиографическое эссе. Ей присущи контрасты, такое всецело русское качество как самокритичность. Химически чистой литературы сегодня нет. Мы наблюдаем невероятное совмещение стилей и жанров, утрату строгой жанровой дисциплины. Перед нами открывается широкий тематически-стилевой диапазон, позволяющий эстетически воплотить многообразие отношений и полноту картины мира. Жизненную и творческую установку Зои Бобковой отличает впечатляющий автобиографизм, насыщенная авторская индивидуальность, отсутствие минорного тона. Безусловно, привлекает её жизнерадостное восприятие окружающей действительности, которое лишено пессимизма и скепсиса в осмыслении происходящего. Для неё характерно оптимистическое принятие человека в пространстве его бытия.

Общеизвестно, всякий уважающий себя литератор идёт своим путём. У Зои Бобковой её путь-дорожка начиналась в Харбине. Человеческой памяти свойственно избавляться от мучительного и помнить в основном хорошее. При всех потерях и личной семейной трагедии она умеет быть благодарной тому времени и его людям — качество исключительное. Насквозь пронизан воспоминаниями детства рассказ «Жвачка», действие которого разворачивается в Китае, в Харбинском приюте «Пристань». «Мы были прилично одеты, накормлены, и нас образовывали», — воскрешает в памяти то непростое время Зоя Бобкова. И незабываемые ощущения тех детских лет передаёт увлекательно, с весёлым задором: «Помню, как я смачно умела щёлкать жвачкой. Жевание — это целая наука, в которой многие из нас достигали совершенства. (...) Жвачка была американского происхождения, а леденцы наверняка китайцы делали сами. Они были на палочке, разноцветные и доставляли нам много радости». Возвращаясь мысленно назад, Зоя Бобкова проводит параллели с сегодняшним днём. У неё нет иллюзий, совершая ревизию устоявшихся истин, она прежде всего ценит собственный опыт и собственное мнение.

Оглядываясь в прошлое, Зоя Бобкова словно восстанавливает забытое время.

Пути исторические, как и пути Господни, неисповедимы. Личная биография самого автора повествования проникнута родовой, генетической памятью: детство в Северной Корее, трагическая история жизни отца, затем смерть матери — сколько было жертв в «непредсказуемой стране» сталинских репрессий. Испытание временем — тяжёлый урок жизни. Его выдерживают не все. Многие преодолев, Зоя Бобкова ценит свой дом. Дом в представлении наших предков — живое, тёплое пространство. И порог оберегает его. Но за ним — долгая интересная дорога. Главное — не заплутать и почаще возвращаться на круги своя. В рассказе «Такой день» писательница скажет: «Дом — это более капитальное пристанище, чем корабль, лайнер, подводная лодка, самолёт или ракета». Её убийственная ирония сражает наповал. «Смех — великое дело: он не отнимает ни жизни, ни имущества, но перед ним виновный — как связанный заяц», — удивляет случайно найденной необычной цитатой Чехов. Вот и наш автор-герой нечто подобное ощущает накануне предстоящей встречи с будущей невесткой: «Итак, настал такой день, на меня накатилось вдохновение, и я принялась за уборку своей квартиры». Каков же финал этой столь волнительной парадной встречи? Счастье материнства, его неистребимый природный инстинкт — дороже всех драгоценностей мира!

Одна из примечательных особенностей мастерства Зои Бобковой как занимательного и нескучного рассказчика — жанр путевых записок; с начала XVIII века в русской прозе он достаточно активно развивался. Побывав в разных палестинах, Зоя Бобкова мягко, но твёрдо утверждает своё видение: по-настоящему хорошо только на Родине. На Родине всё узнаваемо. Вот поэтому душа так просится в родные и обжитые края. Разве можно променять старую манящую красоту линий царственного Петербурга на чёткий и в то же время сухой графический рационализм того же Стокгольма? Шведский «синдром отсутствия стрессовых состояний» — парадоксальное противоречие для русского человека! Русских, живущих там, довольно быстро охватывает скука и хандра. Посему: в книге душевно близок нашему брату и рассказ Зои Бобковой «Домик в глубинке», впитавший в себя русскую почву и традицию. Такое вдруг нечаянное тепло исходит от самого заглавия. Слышится переключка с народным образным словом. «То, что русских людей тянет к земле, а не в землю (отметьте эту тонкость), давно стало прописной истиной, видимо, гены тому прич-

ной». Непросто человеку, оторвавшемуся от своих родственных, глубинных корней, восстановить связь с отчей землёй. Зоя Бобкова побуждает нас к переосмыслению многого из того, чему мы стали свидетелями в последние годы. К переосмыслению, подчас тягостному, драматическому. Однако есть и надежда на возрождение чего-то светлого, нравственного в человеке, а значит — на возрождение и нашей земли, наших опустевших деревень.

Наконец, нужно помнить и о том, если поэтов года клонят «к суровой прозе», то прозаиков — к публицистике. Даже в художественном всегда бывает нескрываемо публицистическое. Зоя Бобкова каким-то загадочным образом сочетает в себе эти три творческие ипостаси. Её очерки похожи на философские размышления, скреплённые сюжетом. Основное — идея, высказанная чётко, плотно, ёмко и густо, без воды и тумана. Она деятельный литератор. И непрерывно в пути к открытиям. А страстная любовь к Лермонтову и активная борьба Зои Бобковой за сохранение последнего дома поэта в Петербурге на улице Садовая 61, где он написал «Смерть поэта», «Бородино», «Княгиня Лиговская», — заслуживают не только восхищения, но, в первую очередь, — уважения. Нельзя не отметить, многолетние усилия возымели положенный результат: по решению Президента РФ В.В. Путина дом передан в управление Мариинского театра для дальнейшей реставрации.

Хотелось бы отдать должное автору книги «Вчера и завтра встретились сегодня...», которому близко злободневное слово современников, когда литература становится средством влияния на дух человека, на его внутреннее преображение и превращается в центр всей русской культуры. Литературно-публицистические очерки Зои Бобковой, прежде всего, привлекают читателя своей исторической ретроспективой. В них прослеживается некая особая мистическая связь автора с Петербургом — городом, в котором дышит сама душа. Вне всякого сомнения, здесь проявляется и художественно-визуальный поэтический акцент, направленный к звукам, краскам и запахам старого Петербурга. Впечатляет и насыщенный, богатый по содержанию очерк, рассказывающий о жизни и творчестве Александра Куприна, о его родовом селе Наровчат, где находится единственный в мире музей русского писателя. Рано или поздно Россия вернётся к подлинному осмыслению наследия наших известных творцов. Писательский талант должен быть главным критерием художественной оценки великих произведений. Сегодня Зою Бобкову волнуют причины обще-

го упадка отечественной культуры. Здесь уместно вспомнить слова Чаадаева: «Прошлое уже нам не подвластно, но будущее зависит от нас».

Ритм истории включает бесконечное повторение бытия, открывая перед нами непрерывную дорогу, которая не заканчивается. Не имеет границ и любовь Зои Бобковой к жизни и творчеству. Писательница словно летит в потоке времени — хрупкая живая человеческая искра — миг между прошлым и будущим, именно он называется «жизнь». Есть ли надежда? Есть ли мечта? Да, остаётся это хрупко-счастливое время надежды, ощущение ожидания и вера в преодоление! Книга «Вчера и завтра встретились сегодня...» по-новому открыла нам писателя со своим голосом, своими героями, своей интонацией, манерой повествования, со своим строем фразы и в очередной раз убедила, что живое, трепетное слово Зои Бобковой, по-прежнему, подчиняется главному — России, её истории, природе и людям.

Минск